

Борьба с официозом

К. Г. Михайлов

Настоящий текст — попытка рецензии очень разносторонней книги историка науки и эволюциониста Ю. В. Чайковского «В круге знания». Она включает 120 статей для различных энциклопедий, часть из которых опубликована впервые. Тематика книги широка — это и некоторые аспекты отечественной истории (персона Александра Невского, Смута, покорение Сибири, династия Романовых и т. п.), и вопросы теории биологической эволюции, и даже немножко политико-социологии в историческом аспекте (очерки «Бюрократия», «Демократия»). Конечно, дать обзор всех 120 статей в рамках одной рецензии невозможно, но я постараюсь проанализировать самые главные.

Тексту энциклопедических статей предшествует «Предупреждение». Основной принцип работы автора, последовательного ученика А. А. Любищева, — отход от исторических и биологических шаблонов, честный и непредвзятый анализ исторических материалов и биологических теорий. В этом аспекте автор отталкивается от «нормальной науки», которая работает сама на себя и на общественный заказ и крайне враждебна к инакомыслию. Не могу согласиться с Ю. В. Чайковским в его строгой характеристике. Похоже, он смешивает собственно науку и официозную науку, угождающую не столько общественному мнению, сколько мнению властей, как центральных, так и региональных. Мне кажется, что официоз всегда был и одновременно всегда существовала более или менее нормальная, в зависимости от степени идеологического пресса, историческая наука; просто некоторые не очень удобные властям материалы ученые особо не афишировали... И энциклопедические издания, по крайней мере в советское время, тиражировали официозную точку зрения, которая часто менялась, особенно в 1920—1930-е годы. В свое время меня позабавило, что в первом издании «Малой советской энциклопедии» внутренний паспорт был назван инструментом буржуазного поражения, а через пару лет строгая паспортная система была введена и в СССР.

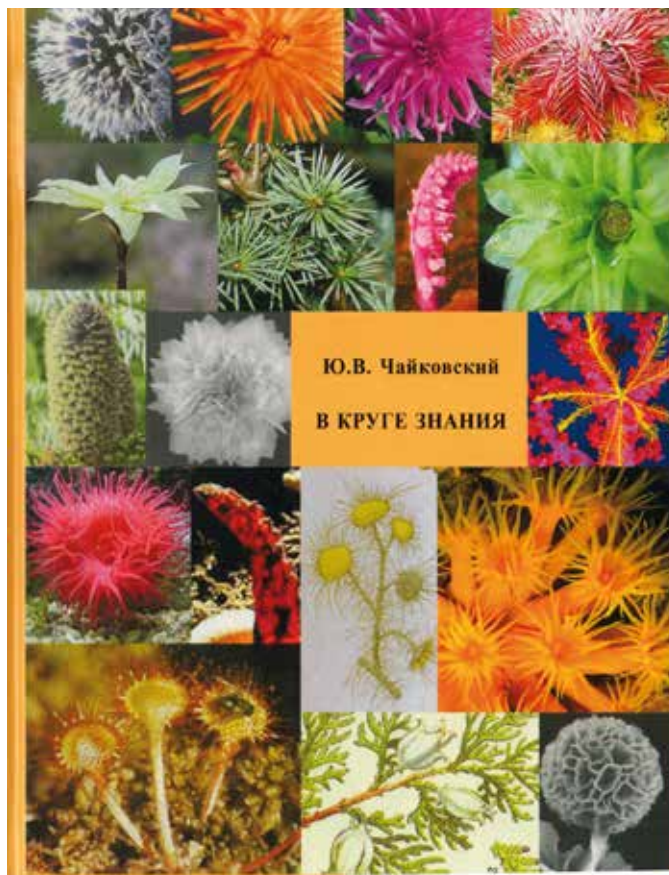
Метод автора заключается (1) в выявлении параллелей, позволяющих увидеть общность явлений, (2) в вычленении ядра

Ю. В. Чайковский.
В круге знания.
Москва:
Товарищество научных изданий КМК, 2013.
(Готовится второе издание.)

явления, в отличие от его периферии. Для достижения последнего предлагается: (2а) не путать свои пристрастия с фактическими доводами, (2б) выбирать согласующиеся сведения, (2в) держать в поле зрения спектр мнений и (2г) не подавать критику чужих мнений как доказательство справедливости своей теории. Следует четко осознавать обратную эвристику нормальной науки, при которой аксиомой служит то, что на самом деле нуждается в доказательстве.

Многие очерки следует рассматривать как расширенное дополнение к «официальным» текстам современных энциклопедических изданий. В этих дополнениях особый акцент сделан на некую нетрадиционность, даже скандальность, на факты и толкования, которые погребены в массе историко-архивных публикаций и вроде как игнорируются «нормальной наукой» ввиду несоответствия «общественному запросу».

Вот, например, персона Александра Невского, сильно отлакированная и царской, и советской историей. Его победы над западными завоевателями известны всем, а вот не очень красивую борьбу в междоусобицах с русскими князьями с помощью ордынских войск и с новгородцами по просьбе ордынцев чаще принято замалчивать. Более того, по мнению Ю. В. Чайковского, если бы князь Александр не боролся со своим братом Андреем за власть при помощи

татаро-монголов, а, наоборот, выступил бы совместно с ним и южным князем Даниилом Галицким против ордынского нашествия в 1250-е годы, быть может, и не потребовались бы ни Куликовская битва (1380), ни «стояние на Угре» (1480). Замечу, что в современных вузовских учебниках по истории России персона Александра Невского трактуется по-разному. В «кратких курсах» скорее придерживаются официоза и ограничиваются указанием на то, что князь понимал невозможность борьбы с ордынцами в то время. Напротив, нелицеприятную оценку этой персоны и указание на совпадение интересов Орды и православия можно найти в книге Л. С. Васильева «Всеобщая история. Том 2. Восток и Запад в Средние века» (Москва: КДУ, 2013. 2-е изд.).

В цикле очерков о Смуте («Лжедмитрий I», «Смута», «Филарет» и особенно «Филькина грамота») меня более всего поразила оригинальная трактовка автором последнего выражения. По мнению Ю. В. Чайковского, так называли послания патриарха Филарета (который тогда еще формально не был патриархом) из стана Лжедмитрия II в поддержку польских оккупантов в 1609—1610 годы. Эти документы были якобы уничтожены после возвращения Филарета из польского плена в 1618 году, и лишь два послания в Польшу сохранились в польских архивах. Но все-таки версия о целенаправленном уничтожении документов, разосланных

по многим русским городам, кажется мне не слишком убедительной. Даже самый беглый анализ современной научной периодики, например журнала «Российская история» за последние годы, убеждает в наличии чудовищного объема сохранившихся архивных документов первой четверти XVII века, начиная с летописей типа «Хронографа» и «Нового летописца» и разрядных книг и заканчивая грамотами городов и земских ополчений.

К этому циклу примыкает очерк династии Романовых, столь же нестандартный. По мнению автора, не слишком убедительно, династия пресеклась как минимум при Екатерине II, так как Павел I был ее внебрачным сыном. Эта точка зрения высказывалась и раньше, однако доказательства отсутствуют. По Чайковскому выходит, что мужская линия Романовых закончила правление в 1762 году — Петр III был внуком Петра I, а его жена, будущая Екатерина II, к Романовым прямого отношения не имела. Однако версия выглядит не очень убедительно — достаточно вспомнить сходство портретов и характеров Петра III и Павла I.

Злодеяниям Петра I, «гениального администратора и умелого мастерового», явно лишнего всякого понятия о морали и законности даже в европейском понимании того времени, посвящены очерки «Глебов», «Досифей», «Евдокия» и «Суздальский розыск». Следствие 1718 года пыталось раскрыть мнимый заговор вокруг первой жены государя, сосланной в монастырь еще в 1697 году. Ее любовник С.Б.Глебов выдержал страшные пытки, в заговоре не признался и в конце концов был посажен на кол. Епископ Досифей под пыткой признался в рассылке подметных писем и ложных пророчествах и был колесован. Связать этот «заговор» с делом царевича Алексея так и не удалось. Однако в наше время жестокость Петра I отрицают, похоже, совсем немногие. Пафос Ю.В.Чайковского направлен скорее против официозного романа А.Н.Толстого и соответствующих кинофильмов, чем против «необъективных» историков.

Ю.В.Чайковский пишет, что бедствия Романовых, в первую очередь проблемы с престолонаследием по мужской линии, как будто были связаны с проклятием, которое наложила на этот род Марина Мнишек после того, как ее четырехлетний сын был публично повешен в 1614 году. Мне кажется, что такой пассаж — даже со всеми оговорками — более подобаёт публицисту, чем ученому-историку.

Большой блок очерков связан с покорением Сибири. Автор подчеркивает неоправданно жестокие действия казаков-первопроходцев, начиная с XVII века и позднее, бравших непомерный ясяк с местного населения (до 12 соболей с охотника), заложников («аманатов») и

даже рабов. В советское время об этом действительно не писали, делая упор на «гуманность» освоения Сибири. Но вот большой сборник 2012 года «Там, внутри. Практика внутренней колонизации в культурной истории России» (М., «Новое литературное обозрение»). В опубликованной там статье Майкла Ходарковского «В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя» прямо указано, что главными элементами политики Московского государства на южных и восточных рубежах были «шерь» (присяга на подданство) и те же ясяк и аманаты. Объективно освещена ситуация с освоением Сибири и в первых главах большой книги Ю. Слёзкина «Арктические зеркала» (Москва: «Новое литературное обозрение», 2008).

В очерке о Семене Дежнёве Ю.В.Чайковский блестяще применил свои методы исторических изысканий и убедительно показал, что этот первопроходец никогда не огибал Чукотку на своем судне, выходя из Северного Ледовитого океана в Тихий. Но это обстоятельство ничуть не умаляет значения фигуры Дежнёва в истории освоения Сибири.

Несколько очерков посвящены революции 1917 года и Гражданской войне. Из них, пожалуй, наиболее интересен анализ истории предоставления независимости Финляндии. Оказалось, что большевики в Петрограде не удосужились оформить правильный документ, ограничившись «выпиской из протокола» заседания ВЦИКа при отсутствии самого протокола. Никакого установления ВЦИКа или декрета Совнаркома на эту тему вообще не существует. Но Финляндия получила фактическую независимость и была быстро признана многими странами, что помогло России начать сепаратные переговоры с Германией. К счастью для финнов, им удалось довольно быстро — хотя и жестокими методами — ликвидировать красногвардейскую агрессию на своей территории. Дальнейшая история известна. Финны были настолько благодарны Советской власти за свою независимость, что не поддержали белогвардейское движение в России, хотя легко могли захватить Петроград, например, в 1919 году. Белогвардейские же лидеры Колчак и Деникин, несмотря на просьбы Юденича, не сочли нужным признать независимость Финляндии, что отчасти и предрешило исход Гражданской войны.

Несколько особняком стоят очерки «Бюрократия» и «Демократия». Под бюрократией автор подразумевает не просто прослойку государственных служащих, а политический строй, основанный на бесконтрольном правлении чиновников. Все революционные движения в России были до сих пор безуспешны, так как приводили к новой победе бю-

КНИГИ

рократии. Октябрьская революция 1917 года в России также стала победой новой бюрократии и отстранением от власти класса собственников. Позднее, во времена правления Хрущева и Брежнева, наблюдалось некое равновесие сил между различными частями самой бюрократии, что обеспечило стабильность в 1970-е годы. Новая постсоветская бюрократия не уничтожает собственников, но по-прежнему не учитывает баланс общественных сил; плохо работают и «социальные лифты», хотя даже в советское время существовал институт «выдвиженчества». Демократия как народовластие подчинено бюрократии даже в странах «золотого миллиарда», не говоря уже о не столь богатых государствах с традициями более или менее деспотической власти. Для ближайшего будущего России, по мнению Ю.В.Чайковского, важно достичь равновесия интересов разных слоев бюрократии; других движущих сил, стремящихся к улучшению нашего общества, автор не видит.

Можно сказать, что очерки Ю.В.Чайковского по гуманитарным наукам относительно разрозненны и не представляют цельной картины этих наук. Критиковать отдельные гуманитарные построения Ю.В. совсем нетрудно. В области биологии задача рецензента усложняется, поскольку биологические построения Ю.В.Чайковского давно и глубоко проработаны, по крайней мере со времени выхода в свет книги «Элементы эволюционной диатропики» в 1990 году, а критика их в печати в основном частная и ругательного свойства (наиболее подробен обзор С.М.Глаголева, см. <http://macroevolution.narod.ru/glagolev.htm>). Весь корпус биологических сочинений Ю.В. никто проанализировать не удосужился, и это весьма печально. Есть лишь рецензия Г.Ю.Любарского на книгу 1990 года, где ее содержание рассматривается с точки зрения типологии («Вестник АН СССР», 1991, вып.3, с.142—146). К сожалению, современный уровень теоретического осмысления в отечественной биологии оставляет желать лучшего; я бы сказал, что даже произошел откат от позиций, завоеванных в начале 1990-х годов...

Попробую предельно кратко изложить эволюционно-биологические взгляды Ю.В.Чайковского, опираясь не только на рецензируемую книгу, но и на предыдущие его сочинения, в частности, на «Зигзаги эволюции» (Москва, «Наука и жизнь», 2010). Замечу сразу, что автор, как и с гуманитарными науками, без-ошибочно наступает на «болезненные мозоли» современной биологии, а его познания в области истории биологии вызывают зависть и восхищение.

Автор старается очистить понятие биологической эволюции от концепции естественного отбора, которому он считает ошибочной. Вместо этого он вводит первично-интуитивное и поэтому неформализуемое понятие «активности» — «одно из основных свойств материи, ведущий фактор всех процессов, в т. ч. эволюции, и, в частности, ее творческое начало», ставя это понятие наравне с понятиями пространства и времени. Автор находит признание активности — преимущественно в неявной форме — в самых разных направлениях дарвинизма. Фактор эволюции автор определяет как элементарную причину или элементарное условие исторической трансформации организмов. К движущим факторам эволюции автор не относит естественный отбор; многие страницы его книг посвящены развенчанию этой, действительно не самой удачной с точки зрения логики и доказательств, концепции, прочно засевшей не только в школьных и вузовских учебниках, но и в головах множества биологов. Классическое дарвиновское «выживание наиболее приспособленных» выглядит по нынешним временам тавтологией. Ну да, выжили — значит, хорошо приспособлены, а не приспособились бы — так и не выжили бы. Но усложнение форм организации живого тем не менее — происходит.

Как известно, теорию Дарвина невозможно подвергнуть «фальсификации» в понимании К. Поппера, и в этом смысле методолог науки может отказать ей в научности. Понятие естественного отбора, дедуктивно введенное Дарвином, претерпело в последующие 150 лет множество изменений. Влияние избирательной смертности (избыточного размножения) на ход эволюции не подтверждено, и не очень понятно, как в принципе может быть подтверждено примерами на больших отрезках времени. А на коротких временных промежутках мы наблюдаем колебания изменчивости (сдвиг частот встречаемости тех или иных генов), которые можно трактовать очень по-разному. Выходит, что термин «естественный отбор» плохой и неточный. Ю.В. Чайковский резко его отвергает, но биологи научились как-то с ним работать. А вот понятие «активности» в чистом виде едва

ли будет принято современным научным сообществом, поскольку предполагает целенаправленность со стороны организма и даже биоценоза (в «экосистемной концепции эволюции»), то есть, по сути, является вариантом столь редкого в наши дни пантеизма.

Скорее всего, эволюция идет не постепенно, как полагал Дарвин и позднее синтетическая теория эволюции Майра — Симпсона, а вспышками, как об этом говорит и наша эпигенетическая теория эволюции (А.С.Раутиан в первую очередь), и «их» теория прерывистого равновесия. Сюда же относится и эмерджентный эволюционизм, которому в рецензируемой книге посвящен отдельный очерк. (К сожалению, я не обнаружил в книгах Ю.В.Чайковского сравнения первых двух концепций и третьей.) Для такого рода вспышек, или макромутаций, необходимо резкое ухудшение условий жизни организмов, стресс, вызывающий повышение смертности, но одновременно — и образование новых структур, первоначально неустойчивых и не способствующих выживанию, но затем встраивающихся в общую систему гомеостаза организма. Эксперименты такого рода давно известны, но игнорируются научным сообществом или трактуются предвзято. Очерк о стрессе дан в приложении к рецензируемой книге.

Автор активно продвигает понятие диатропики (особая статья в рецензируемой книге и книга 1990 года) как учения о разнообразии и его закономерностях. Методы изучения биологического разнообразия пригодны, по мнению Ю.В.Чайковского, и для исторических исследований. Подобных мыслей придерживается и Г.Ю.Любарский, посвятивший сравнительному анализу истории свою книгу «Морфология истории» (Москва: КМК, 2000). По Ю.В.Чайковскому, система биологических объектов должна строиться скорее в виде сети, чем дерева; и его система царств в биологии (очерк «Царства») действительно включает пересекающиеся множества. Однако такие пересечения, к сожалению, противоречат коренным целям биологической систематики — в естественной системе множества-таксоны должны полностью различаться по подмножествам-таксонам низшего ранга (грубо говоря, два рода не должны включать общие виды) — и едва ли будут приняты научным сообществом.

Понятие рефрена введено в биологию С.В.Мейеном и развито Ю.В.Чайковским. Последний определяет его как ряд направленных рядов («Зигзаги эволюции») или как повторность признаков в рядах таксонов. В «старых» терминах я бы назвал рефрены рядами изменчивости, то есть рядами параллелизмов и конвергенций. Именно на основании

рефренов Ю.В. строит свою многомерную таксономическую сеть. Природа рефренов кроется, по мнению Ю.В., в общей фрактальной структуре мира. Однако большинство рефренов никогда не являются существенными, диагностическими признаками, решающими для выделения тех или иных таксонов; поэтому они не очень интересны практикующему систематику. Эту коллизию надо как-то разрешать.

Некоторые термины, введенные Ю.В.Чайковским, не слишком удачны. Так, для естественного отбора в смысле самоорганизации, не связанной с успехом размножения, или «блочной иерархического принципа» (в смысле С.Э.Шноля), автор предложил термин «делектус». Между тем делектусами вот уже более сотни лет называют списки семян, рассылаемые ботаническими садами для обмена. В книге «Зигзаги эволюции» Ю.В. вводит сокращение ЭКЭ для понятия «экосистемная концепция эволюции» (с. 33), хотя давно известно близкое сокращение ЭТЭ — «эпигенетическая теория эволюции». Идеи ЭТЭ Ю.В.Чайковский в своих книгах почему-то не обсуждает.

В очерке «Случайность» Ю.В.Чайковский тщательно анализирует понятие случайности, показывая, что математическая теория вероятностей ничего не говорит нам о природе случайности и во многих случаях применение теории вероятностей к биологическим объектам недопустимо. Интересно обсуждение квазигиперболических распределений в книге «Зигзаги эволюции». Эти распределения более знакомы мне под названием распределений Ципфа — Мандельброта.

В настоящее время большинство практикующих биологов в той или иной степени не принимают теоретических построений Ю.В.Чайковского в этой области. Но то обстоятельство, что эти теории даже не обсуждаются, вызывает у меня огорчение.

В заключение скажу: новая книга Ю.В.Чайковского, а равно и его предыдущие труды, очень полезны как каталогизатор самостоятельного активного мышления. Читая его книги, невозможно оставаться равнодушным. Хочется соглашаться или спорить. А чтобы спорить, надо уметь правильно мыслить, много знать и выдвигать четкие аргументы. Именно этому учат труды Ю.В.

Я глубоко благодарен моим коллегам Г.Ю.Любарскому и В.А.Спиридонову за советы и замечания, которые я получил при обсуждении некоторых аспектов настоящего текста.

